Гадания по скорлупе, или Как нам изучать этничность в прошлых эпохах

Рекомендация для цитирования:
Верховцев Д. В. (2026) Гадания по скорлупе, или Как нам изучать этничность в прошлых эпохах. *Социология власти*, 38 (3): 217-250. EDN: NOYGKG

For citation:
Verkhovtsev D. V. (2026) Divination by Eggshells, or How to Study Ethnicity in Past Epochs. *Sociology of Power*, 38 (3): 217-250.

Поступила в редакцию: 05.04.2026; прошла рецензирование: 23.06.2026; принята в печать: 27.07.2026
Received: 05.04.2026; Revised: 23.06.2026; Accepted: 27.07.2026

© Author, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Дмитрий В. Верховцев

независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

http://orcid.org/0000-0001-9232-2952

Резюме: В статье рассматривается история изучения этничности домодерных эпох и раннего Нового времени, выработанные в зарубежной и отечественной историографии, показываются основные влияния, сформировавшие данное направления, и теоретические различия локальных школ. Историки уже в середине XX века испытали влияние антропологии и социологии, позволившие обратиться к теме этнического и национального с новых позиций: сначала бартианский поворот (названный по имени Фредрика Барта) заставил увидеть этничность как явление, определяемое не столько культурой и языком, сколько процессами когнитивной природы; чуть позже, в начале 1980-х, серия работ т.н. «модернистов» сформировала представление о нации как продукте модерной эпохи, что нанесло удар по господствовавшей на протяжении полутора столетий национально-романтической парадигме. В то же время в СССР последняя скорее была приведена к более наукообразному виду, рационализирована и систематизирована в виде «теории этноса». Как следствие, популярная концепция «древнерусской народности» основывалась лишь на языковых и культурных критериях. Критикуемый в англоязычной литературе уже более полувека, такой подход и на постсоветском пространстве теоретически не развивается с 1980-х, хотя по-прежнему по умолчанию применяется в исторических работах. В статье рассматриваются кейсы из исследований постсоветских историков, в которых когнитивные подходы к этничности помогают луч-

ше объяснить прошлое и увидеть сложные процессы внешних категоризаций и самоидентификаций. В заключении предлагаются способы, как переломить инерцию применения национально-романтических и культурно-примордиалистских схем через отказ от «концептуального империализма» и переноса в прошлое представлений об этничности, характерных для современных обществ, а также переноса внимания на когнитивные аспекты социальных категоризаций в русле концепций Ф. Барта и Р. Брубейкера.

Ключевые слова: этничность, история советской этнографии, история антропологии, Древняя Русь, этнические категоризации, нации и национализм, национальный романтизм

Divination by Eggshells, or How to Study Ethnicity in Past Epochs

Dmitry Verkhovtsev

Independent Researcher, Saint-Petersburg, Russian Federation
http://orcid.org/0000-0001-9232-2952

Abstract: The article examines the history of the study of ethnicity in pre-modern and early modern periods as developed in Western and Russian historiography, identifies the major influences that shaped this field, and highlights the theoretical differences between the respective scholarly traditions. By the mid-twentieth century, historians had already been influenced by anthropology and sociology, which enabled them to approach questions of ethnicity and nationhood from new perspectives. First, the Barthian turn, named after Fredrik Barth, prompted scholars to view ethnicity as a phenomenon determined not so much by culture and language as by processes of a cognitive nature. Later, in the early 1980s, a series of works by the so-called "modernists" established the understanding of the nation as a product of the modern era, thereby challenging the national-romantic paradigm that had dominated for a century and a half. At the same time, in the Soviet Union, the latter paradigm was instead transformed into a more scientific-looking form, rationalized and systematized as a "theory of ethnos." As a result, the influential concept of the "Old Russian nationality" was based primarily on linguistic and cultural criteria. Although this approach has been criticized in English-language scholarship for more than half a century, it has undergone no theoretical development in the post-Soviet space since the 1980s, while continuing to be applied by default in historical research. The article examines case studies from the work of post-Soviet historians in which cognitive approaches to ethnicity help to provide a better explanation of the past and reveal complex processes of external categorization and self-identification. In conclusion, the article suggests ways of overcoming the inertia of applying national-romantic and cultural-primordialist frameworks by rejecting "conceptual imperialism" and the projection onto the past of understandings of ethnicity characteristic of contemporary societies, and by shifting attention toward the cognitive dimensions of

social categorization in line with the concepts of Fredrik Barth and Rogers Brubaker.

Keywords: ethnicity; history of Soviet ethnography; history of anthropology; Old Rus'; ethnic categorization; nations and nationalism; national romanticism

Прошлое, уже произошедшее, навсегда исчезло,
оставив лишь незначительные следы. <…>
…достоверна лишь часть того, что дошло до… сведения (историков); лишь часть того, что достоверно, может быть понято; и лишь часть того, что понято, может быть изложено или описано историком.

Луис Готтшалк.
Понимание истории. Введение в исторический метод

Вся королевская конница,
Вся королевская рать,
Не может Шалтая,
Не может Болтая…
Шалтая-Болтая собрать!

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Введение: скорлупа и этничность

Давайте сразу разберемся со скорлупой: как этничность связана с яйцами? Представьте, что вы находите в лесу скорлупки, из которых, вероятно, недавно вылупилось живое существо; единственные яйца, с которыми вы прежде имели дело, — куриные, но вы знаете, что курицы не живут в лесу, тем более яйцо другого размера и расцветки. Дальше возможны несколько стратегий решения вопроса о том, кто вылупился. Первая: мы признаём, что не знаем, кому принадлежит яйцо, но можем обратиться к наблюдению за птицами и рептилиями, выяснить, у каких видов встречается такая расцветка яиц, набрать достаточно сравнительных данных, став настоящими оологами (исследователями яиц), и таким образом все-таки получить ответ на свой вопрос. Вторая стратегия: не тратить так много времени, а экстраполировать свой опыт на новые области, объявив, что яйцо принадлежит курице, после чего похвалить себя за разрешенную загадку природы и перейти к следующей. В случае если бы мы нашли нечто похожее на скорлупу в ископаемых древних слоях, первая стратегия принесла бы нам еще больше проблем, ведь пришлось бы искать сравнительный ископаемый материал соответствующей эпохи, уточнять, о скорлупе ли вообще идет речь, или это естественные слоистые минералы, зато вторая стратегия по-прежнему будет весьма выгодна: достаточно экстраполировать

свои знания о курицах и яйцах на прошлое и объявить, что из ископаемого яйца вылупилась ископаемая курица.

Возможно, эта притча покажется вам нелепой, но довольно долго именно первой описанной стратегией руководствовались историки, когда встречали в исторических источниках упоминания о народах, этнонимах или племенах. Ведь история как наука сложилась в век романтического национализма, ее методы, цели и подходы формировались в духе эпохи, и это влияние было настолько сильным, что Патрик Гири в своей влиятельной работе «Миф о нациях» называет наше понимание прошлого «токсичной свалкой, пропитанной ядом этнонационализма» (Geary 2002, p. 15). «В XIX столетии, — пишет Гири, — под влиянием революций и романтизма... политики и интеллектуалы создали новые нации, которые они проецировали в далекое прошлое раннего Средневековья» (Ibid., p. 18), то есть, говоря языком нашей притчи, упорно распространяли на прошлое свои знания о современных курицах. Йоханнес Сиапкас указывал, что ту же ошибку совершали и историки-примордиалисты второй половины XX века, подменяя реальность прошлого концептуализациями, созданными под влиянием современного им общества и его порядков (Siapkas 2003, pp. 45–46). В эпоху же романтизма «скорлупой» были прежде всего язык и литература: немецкие филологи создали лучшую в мире школу критики древних текстов, чтобы очертить границу истории германской нации по языковому критерию — от победы Арминия над Варом в Тевтобургском лесу до Священной Римской империи и Прусского королевства. Этот метод стал образцом для националистических историографий и в других странах (Geary 2002, p. 29). Другим видом «скорлупы», поддерживавшим лингвистические аргументы, была археология, которая придавала неосязаемым языковым аргументам материальные критерии: археологи, такие как Густаф Коссинна, считали, что отдельные явления материальной культуры связаны с конкретными народами прошлого (Ibid.: 34). Такая ситуация была обычной до середины XX века, когда, по словам Энтони Смита, как ученые, так и обыватели вполне могли обнаружить нации даже в Античности (Smith 1986, p. 1).

Применение современного понятийного аппарата этничности к прошлым эпохам часто обозначается современными авторами как «анахронизм», или «концептуальный империализм»; вот как Сергей Соколовский описывает это явление применительно к понятию «этнос» в постсоветской науке:

> Гипостазирование понятия «этнос» и попытки сделать его универсальным, а соответствующую концепцию — справедливой для всех социальных контекстов, регионов и исторических эпох — это очевид-

> ный сегодня случай концептуального империализма, расширение собственных представлений, выработанных в совершенно конкретных идеологических и институциональных условиях и ограниченных этими условиями — до пригодных для описания любых обществ и культур, когда-либо существовавших на планете (Соколовский 2004, с. 114).

Необходимость такого рода филиппик и сильной терминологии свидетельствует, что гадания по скорлупе — без внимания к контексту ее обнаружения — по-прежнему широко распространены в исследованиях как современности, так и прошлого.

Комичность метафоры со скорлупой и курицами, надеюсь, усилит нашу вовлеченность в рефлексию на тему, не уподобляемся ли мы сами таким же историкам и не видим ли в прошлом то, что привыкли видеть в настоящем, экстраполируя на небольшие фрагменты скорлупы (или даже не скорлупы?) старого времени наши знания о курицах современности. Настоящая цель этого текста — проследить исторически, как и когда возникал интерес к этническому в прошлых эпохах в различных региональных историографических школах, и чем отличались их подходы и дефиниции. Мнение о почти противоположных способах говорить об этничности в СССР и на Западе давно является общим мнением, и мы постараемся ответить на следующий вопрос — почему с разных сторон «железного занавеса» общий интерес к этничности не привел к нахождению общего теоретического языка. Установки советской школы гуманитарных наук и сейчас еще очень сильны среди постсоветских исследователей, поэтому важно понять, насколько успешны попытки интегрировать в локальные исследования достижения других школ и чем это может обогатить изучение этничности в прошлых эпохах на историческом материале постсоветского пространства.

Как изучают этничность?

В первой половине XX века в антропологических исследованиях понятие «этническая группа» за редким исключением не использовалось в анализе. Внимание исследователей чаще всего было приковано к социальным и политическим структурам, и лишь в этом контексте использовались близкие понятия племени, культуры, расы, народа (Eriksen 2010, p. 5). В центре внимания были «объективные» признаки, позволяющие идентифицировать членов изучаемых обществ и доступные для наблюдения антропологов: язык, обычаи, религия, антропологический тип и т. д. Недостаточность понятийного аппарата и категорий анализа, использовавшихся в первой половине XX века, ощутили и социологи, изучавшие модер-

ные общества, и антропологи, фокусировавшиеся на более глубоком изучении социальных процессов и структур «традиционных» обществ. Поиск новых понятий заставил их в послевоенные десятилетия обратиться к термину «этническая группа» и определению «этническое» в контексте противопоставления групп друг другу и поддержания членами группы своей особости (Eriksen 2010, pp. 23–25). Новую категорию анализа, отличную от эссенциалистских «объективных» признаков, оформили Фредрик Барт и его соавторы по сборнику «Этнические группы и социальные границы», вышедшему в 1969 году. На различных примерах они показывали, что некоторые культурные признаки могут поддерживать этнические границы, но довольно часто ареал распространения культурных феноменов с этническими границами не совпадает. «Прослеживая историю этнической группы во времени, невозможно одновременно, в том же самом смысле, проследить историю ее “культуры”», — писал Барт (2006, с. 48). В другом месте он указывал на нелепость определения этнической группы через культуру, что, с одной стороны, приводит к увлечению «этноисторией», сводящей настоящее к культурам прошлого, а с другой — должно исключать культуры прошлого из настоящего, ведь прошлые и современные культуры разительно отличаются (Там же, с. 13).

Расхожим дидактическим приемом является представление исследований этничности в качестве противостояния «примордиалистских» и «конструктивистских» концепций. Однако важно понимать, что эта оппозиция несимметрична: концепт «этничности» изначально возник и широко распространился в науке второй половины XX века как конструктивистский, но в ответ на эссенциалистские установки более ранних исследований племен, культур, народов, когда этничность еще не выделялась в особый феномен (Siapkas 2004, p. 2001). Примордиализм как взгляд на этническое был сконструирован пионерами темы этничности, чтобы через критику этой модели создать новое понимание и новые подходы (Варшавер 2022, с. 31–32). Этот абстрактный концепт, описанный исходя из критикуемых установок в предшествующих исследованиях, стал использоваться скорее как пейоратив для критики оппонентов. Например, Абнер Коэн обвинял в «примордиализме» самого Фредрика Барта, хотя оба сейчас известны как первые и наиболее влиятельные критики прежних примордиалистских подходов (Eriksen 2010, pp. 63–64). «Примордиализм» в полемике всегда был «у них» и очень редко «у нас»; целью исследователей было оттолкнуться от этого чудища как можно сильнее.

Определяющая роль Барта в когнитивизации концепта этничности подробно описана в статье Евгения Варшавера в настоящем номере (Варшавер 2026). Дон Хендельман, опираясь на Барта, клас-

сифицировал этнические организационные структуры в зависимости от плотности связей — категории, сети, ассоциации, сообщества (Handelman 1977, pp. 189–198), что позволило увидеть негомологичность этнических общностей. Отдельный корпус исследований этнической идентичности, созданный психологами, показывает ее возрастную, поколенческую и ситуативную изменчивость, рассматривая такие компоненты, как отношение к своей этнической группе, обязательства, привязанности, изучение своей идентичности, самокатегоризацию и т. д. (Phinney, Ong 2007). Действительно, радикальный поворот к когнитивному пониманию этнического был провозглашен Роджерсом Брубейкером, который, будучи социологом, активно осмыслял наследие Барта и других антропологов и даже обращался к анализу работ антропологических классиков первой половины XX века вроде Эдварда Эванса-Притчарда (Брубейкер 2012, с. 103). Его программа подробно рассматривается в той же статье Варшавера (2026); отметим лишь, что Брубейкер предлагал заменить такие статичные и слишком универсальные термины, как идентичность и этническая группа, более узкими и точными: идентификация, категоризация, самопонимание, социальная локализация, групповость, связанность и общность (Брубейкер 2012, с. 89–100).

Впрочем, здесь стоит вернуться немного назад и посмотреть, как конструктивистские подходы, вдохновленные в том числе и когнитивным поворотом в исследованиях этничности, стали применяться в отношении наций.

Модернизм и его критика

Параллельно с возрастанием интереса к этничности и процессов ее когнитивизации, когнитивно-конструктивистские подходы проникали в исследования наций и национализма, которые оппонировали прежним национально-романтическим и ранним марксистским представлениям. Это направление часто обозначают как модернизм, и характеризуют взглядом на нации прежде всего как на политические сообщества, появившиеся в век капитализма, чаще всего целенаправленными усилиями элит (Смит 2004, с. 49–50). Это направление складывалось постепенно, и самым известным и эталонным его представителем можно назвать Эрнеста Геллнера, выпустившего книгу о нациях в 1983 году (1991). В ней он показывал роли государства, системы всеобщего образования, культурной и языковой унификации в сложении наций, и взаимосвязь этих процессов с индустриализацией. Бенедикт Андерсон в знаменитой работе, вышедшей одновременно с книгой Геллнера, обращал внимание на то, что не так просто вообразить столь большое сообщество как нацию,

и тому способствуют различные модерные инструменты: карты, музеи, институт переписей населения, литература. Изобретению печатного станка он придавал особенное значение и даже ввел понятие «печатный капитализм», подчеркивая, что именно массовое производство дешевых книг позволило открыть «для быстро растущего числа людей возможность осознать самих себя и связать себя с другими людьми принципиально новыми способами» (Андерсон 2016, с. 89). Проблема роли социального воображения в процессах становления больших сообществ после выхода книги стала весьма популярна и с тех пор рассматривалась на материале различных эпох и регионов; в том числе относительно недавно была сделана попытка Дэвида Гребера и Дэвида Уэнгроу представить, как могло выглядеть воображение больших общностей, основанное на системах родства и тотемных кланах охотников и собирателей, задолго до эпохи массовой печати и всеобщего образования (Гребер, Уэнгроу 2025, с. 240).

Рассмотренные в предыдущем разделе работы антропологов и социологов оказали воздействие и на исследование наций, но их влияние одновременно привело к движению фактически в противоположных направлениях. С одной стороны, применение метода включенного наблюдения при изучении современных неевропейских групп позволило преодолеть прежние примордиальные установки. Исследователи отказались от трактовки данных сообществ как гомогенных, неизменных и автохтонных культурных единиц, что в дальнейшем открыло возможность экстраполировать инструменталистский подход на модернистские концепции наций (Smith 1986, p. 10). С другой стороны, концепт этничности позволил показать эволюцию домодерных обществ в модерные нации и увидеть в последних не новообразования модерна, а наследниц более ранних этнических образований (см.: Smith 1986; Armstrong 1982).

Энтони Смит, будучи оппонентом модернистского взгляда на нации, в своей критике оговаривался, что вовсе не собирается возвращаться к старому национально-романтическому подходу: «Мы больше не можем рассматривать нацию как данность социального существования, — писал он, — “первоначальную” и естественную единицу человеческого объединения вне времени, мы также не можем принять, что это полностью современный феномен...» (Smith 1986, p. 3). Он вполне разделял модернистский взгляд на нации как на долгосрочные исторические процессы мобилизации, инклюзии, территориальной интеграции, политизации, которые никогда не заканчиваются, не считал их статичными феноменами. Нации не существуют в вечном настоящем, постоянно воспроизводятся и реконструируются, но в известных пределах, определяемых историческими (этническими) корнями, обязательными для

каждой нации (Ibid., p. 212). По мнению Смита, нациям предшествовали *этни* (*ethnie*), которые он определял как популяции, обладающие мифами об общем происхождении, общей исторической памятью, одним или несколькими элементами общей культуры, связью с родиной и определенной степенью солидарности — по крайней мере, среди элиты (Smith 2000, p. 113).

В качестве примера можно рассмотреть взгляды Смита на историю формирования нации в России. Он не писал отдельных работ, посвященных российской истории, однако часто обращался к ней для иллюстрации своих теоретических тезисов. По мнению исследователя, в России с XV века начала формироваться национальная идентичность, основанная на воспоминаниях о ранней государственности Рюриковичей («Киевской Руси») (Smith 1991, p. 51). Результатом этого процесса была аристократическая *этни* с включением некоторых других элементов. Несмотря на все усилия царского правительства, в XIX веке ему не удалось гомогенизировать культуру государства: между аристократией и крестьянством сохранялся значительный культурный разрыв, а значительные территории России были населены инокультурным населением. Лишь после Октябрьской революции, по мнению Смита, большевики продвинулись в решении этого вопроса, создав национальные автономии для наиболее крупных *этни*, и отчасти вернулись к программе великорусского национализма, но лишь в культурном, а не в политическом плане (Ibid, p. 101–103).

Самой недавней масштабной попыткой преодолеть доминирование модернистской парадигмы можно назвать вышедшую в 2012 году влиятельную книгу Каспара Хирши, который предлагает собственную концепцию возникновения наций, усматривая корни процесса в позднеимперском дискурсе Древнего Рима. Хирши, конечно, не считает возможным вернуться к национально-романтическим идеям «тысячелетних наций», считая этот дискурс скорее «политической необходимостью» эпохи, чем добросовестной исторической работой (Хирши 2025, с. 18). В стремлении показать домодерное существование национальных дискурсов он анализирует процесс выстраивания границ между сообществами в текстах гуманистов, практике дипломатических взаимодействий, рассматривает признаки, выбираемые для презентации национальных категорий (Там же, с. 32), что очень близко к бартианскому взгляду. Хотя критика Хирши вряд ли сможет поколебать авторитет модернистской парадигмы в мировой науке, а скорее станет ее частью, это очередной пример, как когнитивный взгляд на этничность и конструктивистский — на нации уже больше трех десятков лет остаются плодотворным источником творческого подхода к истории.

Домодерная этничность

Имплицитный период примордиализма в исторических науках, когда вопросы этничности в прошлые эпохи еще не рефлексировались, хорошо описан Вальтером Полем:

> Традиционные исследования принимают значение терминов «народ» или «племя» как должное. С этой точки зрения «народ» — это очень однородная в расовом и культурном отношении группа, имеющая общее происхождение и судьбу, говорящая на одном языке и живущая в пределах одного государства. Народы (а не отдельные личности или социальные группы) часто рассматривались как феномены, сохраняющие преемственность в меняющемся мире, реальные субъекты истории — почти не меняющиеся с течением времени, скорее природные, чем исторического явления. Их судьба описывалась с помощью биологических метафор «рождения», «роста», «расцвета» и «упадка» (Pohl 1998, p.16).

Как мы увидели выше, все ключевые и наиболее влиятельные исследования этничности и наций основывались либо на материале полевых исследований, либо на истории зрелого модерна. В исследования прошлых эпох тема этничности в своей современной форме пришла гораздо позже — возможно, из-за представлений, что этничность, как и нации — явление модерной эпохи. Например, один из пионеров этнических исследований Абнер Коэн считал, что эта концепция наиболее полезна для анализа современных политических культур стран третьего мира (Eriksen 2010, p. 13). Однако рамка рассмотрения исторических материалов, теоретически близкая к концепции «этничности», возникла даже до широкого увлечения этничностью в социальных науках; речь идет о Венской исторической (или «историко-этнографической») школе.

Главная работа основателя школы, Рейнхарда Венскуса, определившая теоретический облик школы, предшествовала (1961) знаковым работам Барта, Коэна и тем более Геллнера, Андерсона и Хобсбаума. Историк проделал большую работу по деконструкции предшествующей литературы, рассматривавшей историю варварских племен периода поздней Античности и раннего Средневековья, и сформулировал новую концепцию формирования военно-политических образований этого времени — гентилизм. По его мнению, главным носителем племенного самосознания в то время была лишь верхушка племени, Traditionskern («ядро традиции» — нем.), которая собирала вокруг себя массы с более аморфной идентичностью при помощи мифа о едином происхождении (Pohl 1998, p. 16). Продолжателями идей Венскуса и его школы стали такие ис-

торики, как Хервиг Вольфрам, Вальтер Поль, кроме того, Венская школа оказала влияние на медиевистику второй половины XX века, например, на взгляды Патрика Гири и Флорина Курты.

Избежав влияния Барта, Венскус все-таки не избежал влияния других этнологов: судя по всему, обратиться к теме этничности его вдохновили Вильгельм Мюльман и Рихард Турнвальд. Более того, Венскус дважды цитирует определение этноса Сергея Широкогорова, поэтому работы русского исследователя-эмигранта иногда подаются как основной источник взглядов венского историка на этничность (Шпирт 2013, с. 43), но в действительности с работами Широкогорова историк был знаком лишь через труды Мюльмана, на которые ссылался гораздо шире. Таким образом, Венскую школу можно охарактеризовать как оригинальное и эклектичное направление, испытавшее влияние идей как западного мира, так и Восточного блока[1], но в основном опиравшееся на немецкоязычную этнологическую традицию. Благодаря этой открытости и теоретической инклюзии она смогла довольно рано приступить в разработке темы этнического в домодерные эпохи.

Концепция Венскуса широко применялась к различным областям истории — не только варварских «племен», но и Античности (Derks, Roymans 2009, p. 3) — и развивалась, не встречая серьезной критики, до тех пор, пока ключевая работа историка не была переведена в 1988 году на английский. После этого на положения Венской школы обрушился представитель Торонтской исторической школы Вальтер А. Гоффарт (Шпирт 2013, с. 48–49), продолжавший оппонировать «гентилизму», «этногенезу» и «ядру традиции» во всех последующих работах. Если для начала 1960-х, по сути, конструктивистский подход Венскуса был поразителен и свеж по сравнению с классическими работами немецких историков национально-романтической направленности, то в конце 1980-х он оказался под огнем критики за совершенно противоположное: гиперболизацию роли этничности в позднеантичное время и продолжение националистических традиций германской историографии (Goffart 2006, p. ix). Позиция Гоффарта, по сути, была еще более конструктивистской: он отказывался рассматривать варварские племена поздней Античности в качестве этнических групп и указывал, что их германское единство начало рефлексироваться лишь с XVI века (Ibid, p. 3) и не было значимой категорией для самих племен (Ibid., p. 2). Он

1 В работе «Создание племен и право» Венскус активно ссылается на работу Сергея Токарева и Николая Чебоксарова «Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания» (1951), так же как Вальтер Поль (1998, с. 16) доброжелательно цитирует работу Юлиана Бромлея.

также считал многочисленные «этнические истории» вроде «Гетики» Иордана или «Истории лангобардов» Павла Дьякона лишь риторическими концепциями, а вовсе не отражением реальных варварских идентичностей (Ibid., p. 7). Обе школы, Венская и Торонтская, как будто избежали прямого воздействия ключевых когнитивизирующих работ об этничности и модернистских — о нациях, однако обе создали оригинальные объяснительные концепции, в разной степени и разными путями преодолевающие примордиализм более ранней историографии поздней Античности.

Постепенно концепция этничности, в своей исходной инструменталистской, когнитивистской и конструктивистской интерпретации, созданной антропологами и социологами, была адаптирована и к изучению более далеких эпох, вслед за ними в теоретический арсенал были включены и «модернистские» концепции нации. Отвечая на достижения исследователей современности и недавнего прошлого, историки вступали в дискуссию об этничности, оппонируя вызовам «модернистов».

Среди ключевых работ, открывших эту дискуссию, можно назвать исследования Джона Александра Армстронга (Armstrong 1982) и Патрика Гири (Geary 1983), первый из которых попытался обосновать более древние корни наций и этнических групп, тогда как второй, напротив, применил к Средневековью концепции инструментализма, выработанные на современном материале. Илья Афанасьев и Николас Матеу констатируют, что «модернизм» в представлениях о нации и этничности остается главным оппонентом историков до настоящего времени. Работы Армстронга, Смита и других авторов, изучающих домодерных предшественников наций и этничности, получили широкую известность в качестве «третьего пути», но также основывались на модернистской парадигме и не поколебали ее господство. Афанасьев и Матеу заключают, что исторические примеры все еще редко используются для аргументации в широкой научной области, изучающей нации и этничность, и для изменения этой ситуации многое предстоит сделать (Afanasyev, Matheou 2017, pp. 54–55). И все-таки приведем несколько случаев, когда исторические исследования продуктивно обращаются к концепту этничности, адаптируя его к контексту изучаемой эпохи.

Йоханнес Сиапкас в работе, посвященной исследованию идентичности в Древней Греции, провел фундированный анализ двух противостоящих подходов к этничности, использованных его предшественниками: примордиализма и инструментализма. Не отвергая с порога обе позиции, он предлагает концепцию «гетерологической этничности», которая является не столько подходом к изучению этничности как таковой, сколько способом увидеть недостатки прежних догматических подходов и ограниченные

возможности научного познания в этой области (Siapkas 2003, p. 30). Главной проблемой, которую формулирует Сиапкас, опираясь на работы Мишеля де Серто, является сосредоточенность исследователей на прошлом, тогда как ключевое значение имеет не оно само, а его сегодняшняя репрезентация, поэтому Сиапкас призывает учитывать идеологический дискурс, в котором находится исследователь прошлого, что поможет увидеть ограничения исследования и современной репрезентации прошлого (Ibid., p. 29). Например, он ссылается на критику термина «археологическая культура», который, по мнению Сиан Джонс, повторял категоризационный подход романтического национализма, деливший мир во все эпохи на такие же ограниченные монолитные сущности — нации (Ibid., p. 37).

Еще одна важная работа будет примером исследования этничности на границе истории и антропологии: это сборник под редакцией этноархеолога Сьюзан Кент «Этничность, охотники-собиратели и “другие”» (2002), где обсуждается существование этничности в известной нам форме у охотников и собирателей прошлого. Так как тема «первобытности» традиционно и прочно принадлежит домену антропологии, авторам сборника было легко оперировать антропологическими концепциями этничности, хотя бы и созданными на материалах, не касающихся напрямую охотников и собирателей. Кент в своем концептуальном введении среди прочих работ опирается на Фредрика Барта и Маркуса Банкса и вполне удачно адаптирует к своему материалу антропологические подходы к этничности, выработанные на более социально и хозяйственно сложных обществах. Она критикует антропологов за то, что те приходят в поле с грузом концептуально чистых категорий, которые основываются на эссенциалистских стереотипах о решающей взаимосвязи идентичности с культурой. Например, идентичность басарва часто уравнивали с охотой и собирательством, которые были распространены в доколониальные времена, поэтому, обнаружив отход от «чистого» следования этому хозяйственному типу, исследователи заявляли о растворении басарва среди окружающих бантуязычных земледельцев-скотоводов. Однако Кент и другие авторы сборника показывают, вполне в духе бартианского взгляда, что этническая идентичность мало зависит от генетического происхождения и конкретных элементов культуры и языка. Несмотря на изменения в хозяйстве и культуре басарва, они обнаружили множество механизмов поддержания этнических границ с бантуязычным окружением, благодаря которым басарва сохраняют свою идентичность. Хотя басарва признают богатство соседей и привлекательность их образа жизни, в целом они негативно характеризируют банту, приписывая им отрицательные качества и черты характера. Более того, этнографические и археологические иссле-

дования показывают, что граница между банту и басарва никогда не была границей между охотниками и земледельцами-скотоводами: басарва могли в прошлом практиковать элементы сельского хозяйства, а банту даже в доколониальные времена довольно часто охотились (Kent 2004, pp. 24–25).

Исследователь мезоамериканской истории Вольфганг Габберт, проанализировав литературу об этничности в прошлые эпохи, перечислил важные проблемы, с которыми мы сталкиваемся при работе в этой области. Во-первых, хотя ряд исследователей все еще считают, что остатки материальной культуры (типичная «скорлупа») могут свидетельствовать об идентичности оставившего их населения, анализ показывает, что довольно часто эти надежды безосновательны. Во-вторых, даже если мы можем дополнить следы материальной культуры письменными источниками, чаще всего они фрагментарны и отражают лишь воззрения какой-то части элит, ничего не сообщая о социальных категоризациях повседневного взаимодействия. Наконец, Габберт приводит достаточно примеров, когда в неевропейских синполитейных обществах этничность появлялась уже под воздействием европейской экспансии. В итоге, суммируя результаты собственных исследований Мезоамерики и выводы Гири из исследований раннесредневековой Европы, исследователь вполне допускает, что этничность до XVII или XVIII века н.э. может и не встречаться, или встречаться слишком редко (Gabbert 2015, p. 196).

Этничность прошлых эпох в советской науке

Возможно, примордиализм упоминался бы в литературе по этничности лишь как «темное прошлое» науки или как упрек в адрес методически оступившихся коллег-конструктивистов, если бы не советские этнографы. Парадоксальным образом общий взрыв интереса к этническому, породивший в англоязычной науке концепцию этничности, в советской науке второй половины XX века, напротив, побудил к созданию истинно примордиалистской этнической теории — теории этноса Юлиана Бромлея. Замкнутость советской науки — как в части восприятия зарубежных концепций, так и в части физического доступа к литературе и контактам с мировым научным сообществом, привели к созданию того самого теоретического антипода, которому оппонировали западные исследователи этничности; экстерналистские факторы государственной идеологии и советской системы управления наукой играли здесь гораздо более значимую роль, чем мировые идейные тренды. Советские ученые не могли использовать в теоретизировании ни достижения когнитивизации, переключившей внимание с объективных аспектов этничности на субъективные, ни модернистские пред-

ставления о нации.

Скорее кажется удивительным, что подъем интереса к этническому в 1960-х происходил в русскоязычной и англоязычной научной литературе почти одновременно. Это подтверждают данные о частотности упоминаний этнических терминов в русскоязычном и англоязычном корпусах литературы на базе Google.Books: рост внимания к термину *ethnicity* на Западе начался ненамного раньше роста встречаемости термина *этнос* (см. график 1).

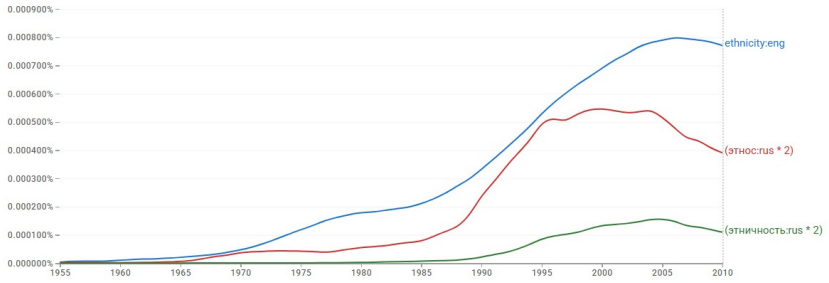

График 1. Частотность встречаемости слов «ethnicity», «этнос» и «этничность» (размерность графиков русских терминов увеличена в два раза) в англоязычном и русскоязычном корпусах Google.Books. Построено в Google.Books.Ngram.Viewer.

Figure 1. Word frequency of "ethnicity," "этнос," and "этничность" in the English- and Russian-language Google Books corpora (the scale of the graphs for the Russian terms has been increased twofold). Created using the Google Books Ngram Viewer.

Здесь необходимо отдельно раскрыть специфику интереса к этническому в Советском Союзе, связанную прежде всего с диктатурой марксистского авторитетного дискурса в общественных науках. В 1930–1950-е годы этот диктат носил почти тотальный характер и любое теоретизирование могло вестись только с опорой на классиков марксизма. В 1930-е решался вопрос о марксизации общественных наук, в том числе советской этнографии, и марксизация, подобно коллективизации, должна была стать добровольной, но безальтернативной (Верховцев 2025, с. 64). Именно тогда советские общественные науки, и ранее знакомые с концепцией стадиальности первых эволюционистов, выраженной в схеме развития общества «дикость-варварство-цивилизация», вынуждены были, рассуждая об обществах прошлого, сосредоточиться исключительно на стадиях как основных категориях анализа. Интересно, что стадии развития общества обозначались как «этнические» («ethnical») у одного из самых известных ранних эволюционистов Г. Л. Морга-

на, однако у него термин использовался для обозначения различий в культуре между периодами развития культуры, расположенных друг за другом на шкале прогресса (1935, с. 12), а не между человеческими группами. Через работы Моргана стадиальность проникла в труды основоположников марксизма и тем обеспечила себе долгую жизнь в советских науках. Схема марксистских общественно-экономических формаций была обязательной основой анализа истории общественных отношений в социалистических странах, и советские исследователи, по аналогии с ней, создали параллельную схему эволюции этнических общностей: «племя-народность-нация». Складывалась она прежде всего на основе канонического сталинского тезиса, сформулированного еще в дореволюционной работе «Марксизм и национальный вопрос» (1913), что нации возникли только при капитализме[1].

Энтони Смит справедливо указывает, что нации были лишь побочным интересом основоположников марксизма и рассматривались в качестве «формы и внешнего вида» для классовой борьбы и производственных отношений, высказывания ранних марксистов о национальном вопросе сложно назвать полноценной моделью как таковой (Смит 2004, с. 37–38). «Национализм оказался для марксистской теории неудобной аномалией, — добавляет Бенедикт Андерсон, — и по этой причине она его скорее избегала, нежели пыталась как-то с ним справиться» (Андерсон 2016, с. 43). За отсутствием легальных альтернатив советским ученым приходилось довольствоваться тем, что есть; вероятно, к концу жизни Сталин начал сомневаться в примате классов над нациями и в политически решающей для развития советских социогуманитарных наук работе «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) во многом освободил сферу культуры и языка от подчиненного положения по отношению к классовой теории. Перечисляя между делом стадии развития языка, он сформулировал новую обществоведческую догму: «Что касается дальнейшего развития от языков родовых к языкам племенным, от языков племенных к языкам народностей и от языков народностей к языкам национальным, то везде... язык как средство общения людей в обществе был общим и единым для общества» (Сталин 1997, с. 108) (вероятно, основываясь на (Струве 1939)). Вследствие столь значительной идеологической индоктринации

1 Российскую линию марксистской мысли вполне можно отнести к предшественникам описанной выше модернистской парадигмы, так как именно Ленин и Сталин достаточно эксплицитно развили тезис о появлении наций лишь в эпоху капитализма. У классиков, Маркса и Энгельса, этот тезис не был развит, и чаще всего их взгляды на национальные вопросы в целом не выходили за рамки национально-романтических представлений.

основная часть концепций исторической этничности, созданных в Советском Союзе, базировалась исключительно на теоретических выкладках и обобщении массового этнографического материала, а не на конкретных эмпирических исследованиях.

Статья «Марксизм и вопросы языкознания» не только породила важный теоретико-идеологический концепт, но и санкционировала автономию лингвистики от диалектического материализма, что позволило исследователям языка более свободно оперировать немарксистскими теориями и концепциями в своей работе. Хотя концептуальный аппарат этнографии и упоминался в статье, сама она не получила такого же прямого «освобождения», и процесс создания собственной метатеории, основанной на советском изводе марксизма, затянулся до 1960-х годов. Этой метатеорией стала теория этноса Юлиана Бромлея; она помогла этнографии получить в позднесоветский период определенную идеологическую автономию, а ссылки на работы Бромлея в этнографических текстах потеснили прямые цитаты классиков марксизма. По Бромлею, этнос «в узком смысле» — «исторически сложившаяся совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (в том числе и языка) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других таких же образований» (Бромлей 1973, с. 37). Основываясь на работах других советских этнографов, глава советской этнографии сформулировал эссенциалистские взгляды на этническое; в отличие западных коллег, оттолкнувшихся от старых парадигм, в СССР создали лишь их более системную и наукообразную версию. Но эссенциализм в советской дефиниции этноса парадоксальным образом соседствовал с когнитивной составляющей (самосознанием), интерес к которой в это время возрастал во всем мире. Теория Бромлея в 1990-х получила название «дуалистической» за разделение «собственно этноса» и «этносоциального организма», но является таковой еще и из-за попытки увязать два взгляда на этническое, которые противопоставлялись в англоязычных работах, — эссенциалистский и когнитивистский. Впрочем, в советских условиях новому не так легко было проложить себе дорогу, поэтому, как мы увидим, понимание этнического как проблемы культурного и языкового единства продолжало доминировать, особенно в работах о домодерной этничности.

В качестве важного примера работы, основывающейся на теории этноса, можно привести сборник «Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе» (1982), вышедший под общей редакцией академика Бромлея. Хотя его авторами были известные советские этнографы, которые до или после выдвигали необычные для канона советской этнографии идеи об усилении внимания к самосознанию как важнейшему критерию этнического (Виктор Козлов (1974)), представ-

лении этической общности в качестве сгустка информационных связей (Сергей Арутюнов), или выступали активными критиками теории этноса (Виктор Шнирельман), в данном издании все они разделяли понимание этнической общности в первую очередь как культурно и лингвистически однородного сообщества. Валерий Алексеев (1982, с. 52) указывал, что на «ранних этапах» этнические общности и биологические популяции совпадали, и связывал это единство с общностью языка и культуры. Арутюнов (1982, с. 66) в качестве основного маркера этнического указывал язык, включаемый в комплекс культуры, а возникновение этноса у охотников и собирателей связывал с установлением устойчивой «этнической структуры» в виде «иерархии соплеменностей, племен и родов». Уравнивание политийных социальных структур и этнического у охотников и собирателей является довольно характерной чертой советских исследователей; в русле проблемы «этноса», например, рассматривалась дискуссия о «племени», которая в западной литературе чаще велась вне контекста этничности. Виктор Шнирельман (1982) в разделе о подходах к этническому в зарубежных исследованиях значительное место уделил разбору работ Зигфрида Фредерика Наделя, которые посвящены не этничности, а проблемам племени и государства в африканских обществах. Более того, автор совершил концептуальный перевод идей Наделя на язык советской терминологии, говоря об «образовании единого этноса» (Шнирельман 1982, с. 234) там, где британский антрополог писал о возникновении племени (Nadel 1942, p. 14). Точно так же Алексей Першиц, помещая кочевников-скотоводов в схемы этнической стадиальности, записывал в теоретики этноса Фридриха Энгельса, указывая работу о «Франкском периоде» как описание «роли государства в сохранении целостности этноса» (Першиц 1982, p. 164). Но легко убедиться, что Энгельс на указанной странице анализирует распад «кровно-родственных» союзов на мелкие общины, после чего «условием дальнейшего существования *нации* становится государственная власть, возникшая не из их среды, а враждебно им противостоящая и все более их эксплуатирующая» (Энгельс 1961, с. 496).

На подобном культурно-ориентированном подходе к этничности был построен целый советский жанр исследований, «этническая история и этногенез», который, как указывал в конституирующей для жанра работе Сергей Токарев, занимался исторической реконструкцией процесса сложения разрозненных элементов в «некое целое», «культурный облик» народа, для чего было необходимо привлечение усилий специалистов самых разных направлений (Токарев 1949, с. 24). В самых известных работах жанра, однако, авторы чаще всего оставляли междисциплинарность декларацией, принимая за «этническое» какие-то конкретные компоненты, чаще

всего язык или материальную культуру. При этом за почти полувековую историю активного развития жанра его теоретикам так и не удалось продвинуться дальше «пролегоменов» — начальных определений, которые каждый исследователь пытался непротиворечиво сформулировать заново, подступаясь к проблеме. Модель, согласно которой культурные компоненты в ходе исторического процесса формируют «культурный облик» этноса, после приложения к историческому материалу давала слишком неясные результаты и не отвечала на вопрос, за какими именно компонентами нужно было идти в прошлое в первую очередь, при каких условиях можно было утверждать, что этнос «сложился», и т. д. (Верховцев 2024, с. 54). Конечно, проблема ограничений культурного эссенциализма стояла не только перед советскими этнографами, но на Западе ее решил Барт, расцепив культуру и этничность, а в СССР ни заимствование этой идеи, ни появление своего Барта, по многим причинам оказалось невозможным.

Своим возвышением, популярности и долгой жизни жанр «этническая история и этногенез» был обязан целому ряду не всегда зависевших друг от друга научных, исторических и политических обстоятельств. Зародившись на скрещении естественнонаучных и исторических интересов петербургских антропологов еще до революции, в 1930-х он пришелся ко двору в идеологическом противостоянии с германской националистической историографией и стал важным инструментом борьбы советских этнографов за свою реабилитацию после разгрома старых этнографических школ. При этом если в начальный период основной фокус был направлен на этногенез русского народа, в дальнейшем жанр оценили культурные и партийные элиты национальных республик и автономий, и его развитие шло главным образом через этническую историю меньшинств СССР (Верховцев 2026). Однако теоретическая рамка, созданная в позднесталинское время, довольно долго еще продолжала определять этнический ракурс рассмотрения древнерусской истории.

«Древнерусская народность»

Исследования в области этногенеза и этнической истории русских, с 1930-х гг. оставались уважаемым и популярным жанром, важным для построения внутренней идеологии государства. Разработанность этого тематического направления позволяет увидеть все разнообразие подходов к этническому в советской науке, и в то же время увидеть нечто общее, объединяющее представления советских исследователей. Вопрос о сложении русского народа, в полном соответствии с законами жанра национально-романтической европей-

ской историографии, начал интересовать историков еще в XIX веке, однако именно с 1930-х годов за него взялись лучшие силы советской науки, специалисты по древнерусской истории. Реабилитированный в 1930-х национальный исторический канон необходимо было интегрировать с советской марксистской теорией нации, и эти усилия ярко иллюстрируют работы ленинградского историка Владимира Мавродина, ставшего основным создателем «теории древнерусской народности». На пике идеологической кампании по борьбе с космополитами (и борьбы за русский приоритет) он даже попробовал отказаться от термина «народность» и вернуться к дореволюционной концепции триединого русского народа, утверждая прямую преемственность современного русского народа и народа Киевской Руси (Мавродин 1947, с. 88), однако к 1950-м годам вернулся к изначальной терминологии.

Как указывает Юрий Кучин, теория «нашла поддержку у партийного и государственного руководства СССР, как отвечающая политико-идеологическому запросу на укрепление единства восточнославянских народов», что и обеспечило ее ведущую роль (Кучин 2020а, с. 20). Основные положения гипотезы состояли в том, что из разрозненных восточнославянских племен в годы существования единого государства Русь в IX–XIII вв. образовалась единая древнерусская народность, на базе которой в XIV–XV вв. сложились русские, украинцы и беларусы. Для нас интереснее всего, каким образом Мавродин доказывал сложение единой народности и на какие концепции при этом опирался. Естественно, что в 1940-е он не мог опираться ни на что иное, кроме определения нации, данного Сталиным в 1913 году: «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры» (Сталин 1954, с. 296). Хотя Сталин дал определение только для нации, считая ее порождением эры капитализма, и не давал определения народности, Мавродин легко вышел из положения и посчитал для ранних народностей необходимым и достаточным лишь первый признак — общность языка, дополнив его также осознанием языкового единства (Мавродин 1947, с. 89). К моменту образования «более зрелой» великорусской народности к этим признакам, по мнению историка, добавились общность территории и культуры «на базе психического склада» (Там же, с. 99), а формирование нации завершилось к XVIII веку (Там же, с. 101–102), когда зарождение капитализма в России создало общность экономической жизни — бинго сталинского определения было собрано. На ту же дефиницию нации опирались в 1950-е и другие историки, разрабатывавшие «этнические» проблемы Древней Руси, — Борис Рыбаков и Лев Черепнин (Кучин 2020б, с. 35)

Так как гипотеза древнерусской народности являлась magnum opus Мавродина как ученого, он неоднократно возвращался к проблеме и через 30 лет после создания гипотезы издал монографию «Происхождение русского народа» (1978), где актуализировал данные и применил новые источники. Был ли при этом актуализирован теоретический аппарат? Несмотря на развенчание культа личности Сталина и изгнание его теоретического наследия из научного дискурса, историк все так же опирался на сталинское определение нации (Мавродин 1978, с. 119), теперь уже не приводя ссылку на автора, но в целом склоняясь к полному отождествлению языка и этничности: «Именно язык, а не культура и не расовый тип является важнейшим, определяющим признаком этнической общности» (Там же, с. 9). Что характерно, критики гипотезы древнерусской народности, такие как Михаил Брайчевский, обращались к тем же самым аргументам языка и культуры, доказывая, что достаточного для народности языкового и культурного единства в Древней Руси достигнуто не было (Кучин 2020б, с. 72).

Активно разрабатывавшаяся в то время теория этноса не отразилась на новой работе Мавродина о древнерусской народности, лишь ограниченно в нее были интегрированы рассуждения советских этнографов об этнических общностях первобытности (Мавродин 1978, с. 6). В целом эту схему происхождения русского народа можно признать вполне наследующей национально-романтическим европейским историографиям XIX века, когда история любой нации описывалась как путь, начинающийся в глубине веков, и ведущий к единству, величию и славе настоящего. В учебнике по историческому материализму осуждались такие построения, как «идеалистические» и «метафизические» (Исторический... 1951, с. 422), однако эти две линии — национально-романтическая и марксистская — диалектически легко уживались в советской науке: русский национальный миф стал частью партийной идеологии и служил делу воспитания советского патриотизма (Бранденбергер 2017), а классовый анализ лишь отчасти дополнял и доместицировал еще дореволюционную историческую парадигму

Как мы видим, основные представления советских исследователей Древней Руси об этничности в прошлом вращались вокруг языка и отчасти — культуры, и лишь работа Дмитрия Лихачёва «Национальное самосознание Древней Руси», вышедшая на массовой волне патриотической литературы в 1945 году, своим названием будто опережала эпоху и обращалась к когнитивному ракурсу рассмотрения проблемы; однако в действительности слово «самосознание» употребляется в работе всего несколько раз. Автор в самом начале указывает, что «национальное самосознание в Древней Руси имеет своими показателями не только памятники письменности

и искусства: борьба за свою политическую и культурную самостоятельность и за свое государство служит самым ярким свидетельством высокого уровня национального сознания русского народа» (Лихачёв 1945: 3). В полном соответствии с этой декларацией книга представляет собой обзор культурных достижений древнерусского периода и борьбы за самостоятельность древнерусского государства, совершенно в духе жанра «национальной истории».

Попытки переломить эссенциалистское некритическое понимание этнического в истории неоднократно предпринимались. Среди них можно назвать работы Игоря Данилевского, который призывал отказаться от проецирования современного понимания понятий «народ» и «язык» на древнерусские источники. Он указывал, что онимы древних известий, воспринимаемые советскими историками как указание на «национальное самосознание», чаще всего обозначали лишь жителей определенной местности (Данилевский 2001, с. 162–163). Алексей Толочко предложил применить к древнерусскому материалу концепцию Андерсона чтобы понять, в каких контекстах и какими агентами могла быть воображена единая «народность» в Древней Руси (Толочко 2001, с. 32). Петр Стефанович предложил использовать для нового взгляда на древнерусский материал методологические наработки уже упомянутой «Венской школы», которая разрабатывает сложные модели формирования варварских *gens*, избегая как прямолинейных схем национал-романтизма, так и релятивизма конструктивистов (Стефанович 2018а, с. 482). Впрочем, в той же работе автор констатирует, что «традиционное “примордиалистское” понимание этноса, характерное для советской историографии, остается преобладающим в этой области и сегодня» (Там же, с. 467).

Действительно, хотя в российской историографии интерес к проблемам этничности ощутимо снизился, в случаях, когда такие работы выходят, этничность чаще приравнивается к языку или, в лучшем случае, к отдельным элементам культуры. Из недавних больших работ можно назвать диссертацию Бориса Чибисова «Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы)», посвященную преимущественно анализу писцовых книг (Чибисов 2018). Хотя в работе присутствует целый подраздел «Подходы к пониманию этничности», где дается выборочный обзор «примордиалистских» и «конструктивистских» теорий, за ним не следует вывода, какие из указанных подходов автор применил к своему материалу (Там же, с. 30–35), а общая канва диссертации строится на весьма традиционном для отечественных исследований поиске в письменных источниках этнонимов, ойконимов и антропонимов, прямолинейно идентифицируемых с какой-либо этнической группой, причем эта идентификация про-

изводится по языковому признаку. Как с таким подходом увязываются описанные концепции этносимволизма, этнической мобилизации и социального конструирования элитами — из текста работы не совсем ясно.

Но если скорлупа все еще довольно часто находится в центре внимания исследователей и вопросы «а был ли цыпленок?» не всегда оказываются услышаны, можно ли в действительности узнать по осколкам, связаны ли они с яйцами, и если да, то кто их снес?

За пределами скорлупы

Видимо, здесь находится предел применимости нашей метафоры скорлупы, взятой из мира естественных наук: конечно, настоящие оологи во многих случаях смогут определить вид, которому принадлежит тот или иной осколок, так как процесс видообразования на исторических отрезках времени обычно практически незаметен. Но в нашем случае проблема в том, что социальная эволюция обществ, усложнение культуры и интеллектуальный прогресс происходят гораздо быстрее, чем эволюция видов. Даже сегодня, имея дело с нациями, сложившимися всего каких-то 200 лет назад, мы все еще не до конца понимаем, как они вылупились из монархий, церквей, орденов, цехов и сословий, то что тогда говорить о более ранних эпохах, от которых остались еще более отрывочные и смутные сведения? Здесь, пожалуй, стоит наконец выяснить, какие сведения, подобно неподвижной скорлупе, легко извлекаются из исторических источников, а за какими все-таки придется побегать, как за резвым цыпленком, и в итоге либо подтвердить гадание по осколкам, либо признаться, что цыпленка никто никогда не видел.

Итак, самыми привлекательными в письменных исторических источниках обычно оказываются этнонимы и лингвонимы, и если они имеют сходство с аналогичными современными наименованиями, исследователи автоматически объявляют об исторической преемственности. Однако важно помнить, что в большинстве случаев речь идет о внешней категоризации, а автор источника имеет сословную, этническую (не обязательно), религиозную, государственную, корпоративную принадлежности, выступает в интересах заказчика и использует собственные источники информации, которые обычно не называет. Все эти сведения редко добросовестно вписаны в источник, позиция автора остается во многом анонимной, из-за чего значение исторического этнонима порой трудно интерпретировать, опираясь только на его современное значение. В. А. Никонов в посвященном этнонимам сборнике приводит достаточно примеров, когда очевидная интерпретация не будет соответствовать историческим реалиям: еще в XVIII веке к категории

«немцы» в России относили жителей не только германских государств, но и Дании и Голландии; к категории «татары» — группы нерусского населения от Крыма до Амура и т. д. (Никонов 1970, с. 10). Но всегда ли внешняя категоризация совпадает с самоидентификацией? Можно ли из внешнего описания узнать об отношении людей к своей группе, силу приверженности, представлениях о границах, структуре и плотности этнической организации, то есть обо всем, что является главным предметом интереса современных исследователей этничности? Увы, для этого обычно нужны источники, порожденные внутри категоризируемого населения.

Точно так же, в отличие от современных полевых исследователей и даже от любителей естественной истории XVIII века, автор источника не будет ставить себе задачу всестороннего описания проживающих в регионе сообществ: в фокусе его внимания будут сведения о политических структурах и их солидарных действиях, которые прежде всего и важны были для современников, тогда как сведения о самоидентификации, культуре и языке будут отрывочны, экзотизирующи, а иногда фантастичны. Более того, чаще всего в источнике будет проявляться «бытовой примордиализм», когда группа/категория описывается как однородная и давно существующая, воспроизводится то деление социального мира, которое кажется автору источника «естественным», о чем писал на примере варварских этнических историй Гоффард. Даже в современных полевых исследованиях, интерпретируя употребления информантами терминов «народ», «этнос» или «национальность», важно учитывать не столько их словарные значения, сколько народные представления об этничности: что именно означают эти термины и чем отличаются друг от друга по мнению самих информантов (Варшавер 2024, с. 22), чего уж говорить об изучении прошлых эпох, где исследователь и исследуемые разделены столетиями.

Несколько кейсов, рассмотренных далее, покажут нам иллюзорность опоры на объективные «эссенции» и внешние категоризации, необходимость ориентироваться не на наши знания о современных курицах, а на хронологический и географический контекст обнаруженного фрагмента, похожего на скорлупу.

Важным исследованием, продолжающим обширную советскую и постсоветскую историографию вопроса этничности в Древней Руси, рассмотренную в предыдущем разделе, является работа Петра Стефановича, посвященная анализу статьи 1093 года «Начального свода» о взятии городка Торческа половцами. По мнению автора, в этом отрывке понятие «русь» предстает не народностью с объективными признаками языка и культуры, а «супраидентичностью... “зонтиком”, под которым собираются другие, более или менее частные и локальные, идентичности (такие как, например, торки)» (Сте-

фанович 2018б, с. 55). Обращая внимание на различные употребления онима, Стефанович показывает, что в статье летописи «русь» употребляется как в узком смысле, более близком к этническому, так и в широком, связанном с конфессиональной идентичностью, «богоизбранностью» и политическим подчинением, так что включенными в эту расширенную категорию оказываются и тюркоязычные торки, христианизация которых к 1093 году вряд ли продвинулась далеко. Именно продолжительные гибридные отношения княжеств с кочевыми федератами, по мнению историка, мешают применению к летописным источникам модели «древнерусской народности», подразумевающей унифицирующуюся под воздействием феодальных отношений культурную и языковую общность (Там же, с. 62).

Для более близкой к нам эпохи раннего Нового времени представляется показательной история этнонима «латыши», который на протяжении почти трех столетий употреблялся для обозначения очень разных по идентичности, языку и культуре групп в Восточной Балтике (Верховцев 2020). Впервые его массовая фиксация встречается в русскоязычных документах, связанных с начавшейся Ливонской войной (1558–1584), но совсем не в том значении, который этот оним имеет сегодня. В переписке московских служилых людей «чухной» и «латышами» (обычно оба термина используются вместе) обозначается все ненемецкое население Ливонии — независимо от того, идет ли речь о территориях распространения балтских идиомов (языковых единиц), на основе которых в будущем сложился латышский литературный язык, или прибалтийско-финских, легших в основу эстонского. Хотя мы видим, что некоторые московские чиновники, связанные с дипломатической службой, хорошо разбираются в ливонской лингвистической ситуации и различают не только эстонские, латышские и немецкие идиомы, но и малочисленные ливские, основная масса авторов ограничивается гораздо более простой категоризацией. Далее вместе с участниками Ливонских кампаний термин «латыши» попадает севернее, на московско-шведскую границу, где начинает применяться к жителям шведских провинций, чаще всего носителям финских и карельских идиомов.

На пике своего распространения в языке Московского царства оним «латыш» повсеместно становится синонимом почти что любого неправославного иностранца, фиксируется в словниках русского языка, закрепляется в региональных диалектах центральных регионов Московского государства и произведениях старообрядческой литературы XVII в. Новый всплеск употребления онима приходится на время Северной войны (1700–1721), когда войска Московского царства вновь вступают в восточно-балтийские области и служилые люди вновь описывают местное население — на этот

раз уже на всей полосе от Курляндии до Карелии — как «чухну и латышей». Эта внешняя, сугубо прикладная категория, выделенная московскими бюрократами и не связанная ни с самосознанием, ни с языком, ни с культурой категоризируемых, еще довольно долго использовалась в завоеванной Петром Ингерманландии как учетная и переписная, пока изменение формата учета к концу XVIII века не заставило забыть о ней навсегда. Однако эти «латыши» часто не на шутку смущали советских историков, заставляя либо указывать, что в XVIII веке под Петербургом жили латыши в современном понимании, либо связывать эту категорию с лютеранским вероисповеданием. Царские чиновники обладали достаточной символической властью, чтобы вписать в историю разнородное население целого ряда регионов под придуманным ими именем, но недостаточной, чтобы заставить население принять новое имя.

Однако в некоторых случаях это все-таки происходило, например, во время масштабного переселения на территорию Московского царства православного населения из бывших новгородских уездов, отошедших Швеции по Столбовскому миру 1617 года. Переселенцы обычно размещались на опустевших после Смуты дворцовых и помещичьих землях, получая льготы в виде временного освобождения от налогов и ссуд на обзаведение хозяйством. В историографии эта глобальная миграция чаще всего известна как «переселение карел в Россию» (например, Жербин 1956), так как «зарубежские выходцы» обозначались в учетных документах как «кореляне», что считалось указанием либо на этничность, либо на место выхода — Корельский уезд. Однако, как показывают писцовые книги Ильменского Поозерья, в эту категорию часто попадали переселенцы не только из Корельского уезда, традиционно считающегося местом расселения карел, но и жители других шведских уездов по южному берегу Финского залива, население которых имело собственную культуру и язык. Вероятно, здесь опять речь идет о прикладной категоризации, сложившейся у чиновников Московского царства, в которой «кореляне» стали любыми выходцами из-за шведского рубежа, если они имели право на льготы, хотя изначально термин мог обозначать и этническую, и территориальную категорию. В отличие от случая с «латышами», чиновникам хватило символической власти, чтобы заставить всех выходцев из-за шведского рубежа перейти на самоназвание «кореляне» (Верховцев 2025).

Заключение. Против скорлупы

Занимаясь исследованием из российской (или — более широко — из постсоветской) перспективы, автор должен признаться, что при работе над текстом он больше всего был заинтересован в поиске

альтернативы консервативному пониманию этничности в виде культурно-языкового примордиализма, который до сих пор широко распространен в нашей историографии. Хочется верить, что альтернативных исследовательских программ было представлено достаточно, и, познакомившись с ними, исследователь никогда уже не станет, встретив нечто похожее на «скорлупу» (этнонимы, признаки культурных и языковых групп), рассаживать по насестам истории примордиальных, извечно неизменных куриц (нации, этносы, народы) в тексте своих работ. Какие же уроки преподнесла нам история вхождения в исторические исследования концепта этнического, описанная в основной части статьи?

Прежде всего, этническое в современном значении — довольно новый концепт, закрепившийся в научном дискурсе лишь с середины XX века. Не в последнюю очередь он был предназначен для критики слишком неповоротливых понятий расы, племени, народа, культуры в антропологии и истории. Явление «этничности» породило и различные ее дефиниции, в которых отразились особенности отдельных дисциплин и локальных научных традиций. В исторической перспективе к этничности первой подступила Венская школа, которая начала деконструкцию сложившегося к 1960-м понимания варварских племен поздней Античности как культурно гомогенных солидарно действующих однородных групп, предложив обратить внимание на роль варварских элит через концепцию «ядра традиции». Процесс когнитивизации понимания этничности начался с выходом в 1969 году сборника под редакцией Барта, где этничность была отделена от объективной культуры, и описана в оптике когнитивных действий субъектов — приписывания, выстраивания границ, инструментального использования категоризаций. Поворот породил внимание к психологическим составляющим этничности, неоднородностям этнических структур, изменчивости и текучести этнического. В центре анализа теперь были не народы, не племена, не группы, а качества, процессы и представления.

Так называемые «модернисты» аналогичным образом взорвали исторические науки, выступив с прямой критикой национал-романтической парадигмы долгих национальных историй. Сенсационно отказав нациям в корнях, уходящих дальше XVII–XVIII вв., они эпатировали научную и ненаучную публику, навсегда радикально изменили понимание национальных историй, показав, что нации в современном виде не могли бы сложиться без массового производства, всеобщего образования, дешевой печати и расширения социального воображения. Ответная критика в итоге породила концепции перенниализма, с оговорками признающего важность модернистской критики, но все же не отказывающегося от идеи домодерных «этнических корней» каждой нации.

Отход от постулирования извечного существования наций, поиска их в истории исходя только из лингвистических и культурных критериев, не привел к исчезновению наций как контрапунктов исторических работ, а, напротив, позволил увидеть сложность прошлых эпох, создав более точные объяснительные модели. Тренд на отход от радикального модернизма, вполне возможно, в конце концов увенчается успехом, и парадигма будет скорректирована в сторону более древнего возникновения наций в каких-то иных, дискурсивных или более ограниченных формах, чем в Новое время, однако вряд ли когда-то произойдет возврат к простым шаблонам национальных историй XIX века.

В этой логике советскую и постсоветскую историографическую традицию сложно назвать лишенной методологической и концептуальной рефлексии, однако слишком многие факторы как внешние по отношению к науке, так и внутренние, в итоге ограждали и ограждают отечественных историков от активного участия в рассмотренных дискуссиях об этничности и нациях. Несмотря на отдельные весьма плодотворные отечественные публикации по данной тематике, в целом можно сказать, что исследователи либо игнорируют этничность, либо поверхностно обращаются к старым советским концептуализациям, имеющим репутацию классических и надежных, хотя и не развивающихся уже много десятилетий. Гадание по скорлупе — какая курица из нее вылупилась столетия назад? — все еще популярный жанр, привлекающий новых и старых авторов. Как же нам стать хорошими оологами, и не видеть куриц там, где их может не быть? Пожалуй, стоит воспользоваться советами перечисленного ряда исследователей:

1. Не стоит заниматься «концептуальным империализмом», как предостерегает С. Соколовский и многие другие, и исследовать далекую историческую эпоху с представлениями о группах, этничности и нациях, свойственных поздней модерности, так как такой теоретический багаж окажется там анахронизмом. Для разных эпох и регионов характерны свои способы категоризировать, производить солидарность и выстраивать социальные границы, и не стоит лезть в эти исторические монастыри с нашим уставом времен эпохи национальных государств. А значит, необходимо...
2. Не ограничиваться культурой и другими эссенциями в идентификации групп прошлого, а обратить внимание, как это сделал когда-то Фредрик Барт, на когнитивные аспекты: самосознание, категоризирование, границы.
3. Имея дело с категоризациями, по настоятельному призыву Роджерса Брубейкера, прежде всего важно определить аген-

тов этого процесса, не постулировать обязательного наличия за категориями солидарно действующих групп.

Хватит раскладывать скорлупу по музейным ящичкам и картотекам, безнадежно собирать из осколков Шалтая-Болтая, которого выдумали сами. Задача увидеть мир и его категории глазами жителя прошлого — сложнее, чем поиск этнонимов в летописях и древних актах, но и мы методологически вооружены гораздо лучше, чем национал-романтики, создававшие древние биографии своим молодым нациям. А раз нет проблем с инструментарием, дело только за решительностью!

Список источников / References

Алексеев В. П. (1982) *О самом раннем этапе расообразования и этногенеза.* М.: Наука.

— Alekseev V. P. (1982) *On the earliest stage of race formation and ethnogenesis.* Moscow: Nauka. (in Russ.)

Андерсон Б. (2016) *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма.* М.: Кучково поле.

— Anderson B. (2016) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* Moscow: Kuchkovo Pole. (in Russ.)

Бранденбергер Д. Л. (2017) *Сталинский руссоцентризм. Советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956 гг.).* М.: Политическая энциклопедия.

— Brandenberger D. L. (2017) *Stalin's Russocentrism: Soviet Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956).* Moscow: Political Encyclopedia. (in Russ.)

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп.* М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Brubaker R. (2012) *Ethnicity without Groups.* Moscow: Higher School of Economics Publishing House. (in Russ.)

Варшавер Е. А. (2022) «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности. *Социологическое обозрение*, 21(3), с. 31–58. EDN: AQRMTG. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58.

— Varshaver E. A. (2022) "Stop Beating the Dead Primordial Horse": Actual Agendas in Constructivist Research of Ethnicity. *Russian Sociological Review*, 21(3), pp. 31–58. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-3-31-58.

Варшавер Е. А. (2024) Что именно исследуется, когда исследуется этничность? Дескриптивная модель для конструктивистских исследований этничности в контексте когнитивного поворота. *Социологическое обозрение*, 23(3), с. 94–126. EDN: IGULTR. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126.

— Varshaver E. A. (2024) What is Studied When Ethnicity is Studied? A Descriptive Model for Constructivist Research of Ethnicity in the Context of the Cognitive

Turn. *Russian Sociological Review*, 23(3), pp. 94–126. (in Russ.) https://doi.org/10.17323/1728-192x-2024-3-94-126.

Варшавер Е. А. (2026) Как делать когнитивный поворот в исследованиях этничности: фиксация и объяснение этнических культурных когнитивных схем. *Социология власти*, 38(3), с. 84-138.

— Varshaver E. A. (2026) How to Make a Cognitive Turn in Ethnicity Research: Recording and Explaining Ethnicity-Based Cultural Cognitive Schemas. *Sociology of Power*, 38(3), pp. 84-138.

Верховцев Д. В. (2020) Такие разные латыши: изменчивость значения этнонима в русских документах XVI–XVII веков. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, с. 161–178. EDN: RXJMHI. https://doi.org/10.21638/SPBU19.2020.108

— Verkhovtsev D. V. (2020) Such different Latvians: variability of the ethnonym in Russian documents of the 16th–17th centuries. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, pp. 161–178. (in Russ.) https://doi.org/10.21638/SPBU19.2020.108

Верховцев Д. В. (2024) Этническая история и ethnohistory: внешние сходства и внутренние отличия. *Этнографическое обозрение*, 2, с. 46–67. EDN: CLHKJW. https://doi.org/10.31857/S0869541524020036

— Verkhovtsev D. V. (2024) *Ethnic history and ethnohistory: external similarities and internal differences. Ethnographic Review*, 2, pp. 46–67. (in Russ.) https://doi.org/10.31857/S0869541524020036

Верховцев Д. В. (2025) Женихи этнографии: проекты новой этнографической парадигмы в конце 1920-х гг. *Антропологический форум*, 67, с. 59–92. https://doi.org/10.31250/1815-8870-2025-21-67-59-92

— Verkhovtsev D. V. (2025) Ethnography's grooms: projects of a new ethnographic paradigm in the late 1920s. *Anthropological Forum*, 67, pp. 59–92. (in Russ.) https://doi.org/10.31250/1815-8870-2025-21-67-59-92

Верховцев Д. В. (2026) Долгая жизнь «этнической истории». Как этнографический жанр стал формировать национальную память. В: Этнокультурные аспекты коллективной памяти. *Материалы двадцать четвертых Санкт-Петербургских этнографических чтений*. СПб, с. 7–11.

— Verkhovtsev D. V. (2026) The long life of "ethnic history": how the ethnographic genre began shaping national memory. In: *Ethnocultural Aspects of Collective Memory: Proceedings of the 24th St. Petersburg Ethnographic Readings*. St. Petersburg, pp. 7–11. (in Russ.)

Геллнер Э. (1991) *Нации и национализм.* М.: Прогресс.

— Gellner E. (1991) *Nations and Nationalism.* Moscow: Progress. (in Russ.)

Гребер Д., Уэнгроу Д. (2024) *Заря всего. Новая история человечества.* М.: Ad Marginem.

— Graeber D., Wengrow D. (2024) *The Dawn of Everything: A New History of Humanity.* Moscow: Ad Marginem. (in Russ.)

Данилевский И. Н. (2001) Древнерусская государственность и «народ Русь»: возможности и пути корректного описания. *Ab Imperio*, 3, с. 147–168. EDN: PDWRLV.

— Danilevskii I. N. (2001) Old Rus statehood and the "Rus' people": possibilities

and ways of correct description. *Ab Imperio*, 3, pp. 147–168. (in Russ.)

Жербин А. С. (1956) *Переселение карел в Россию в XVII веке.* Петрозаводск: Госиздат КФССР.

— Zherbin A. S. (1956) *Resettlement of Karelians to Russia in the 17th century.* Petrozavodsk: State Publishing House of Karelian ASSR. (in Russ.)

Исторический материализм. Под общ. ред. Ф. В. Константинова (1951). М.: Госполитиздат.

— *Historical Materialism.* Ed. F. V. Konstantinov (1951). Moscow: GosPolitIzdat. (in Russ.)

Козлов В. И. (1974) Проблема этнического самосознания и ее место в теории этноса. *Советская этнография*, 2, с. 79–92. EDN: TKQXEH.

— Kozlov V. I. (1974) The problem of ethnic self-consciousness and its place in the theory of ethnos. *Soviet Ethnography*, 2, pp. 79–92. (in Russ.)

Кучин Ю. С. (2020) К вопросу об актуальности проблемы существования древнерусской народности. В: *Материалы Международного научно-практического форума «100-летие государственности Удмуртии: исторические вехи и перспективы развития»*, с. 19–28. Ижевск. EDN: ZDIWEE.

— Kuchin Yu. S. (2020) On the relevance of the problem of the existence of the Old Russian nationality. In: *Proceedings of the International Scientific-Practical Forum "100 Years of Statehood of Udmurtia: Historical Milestones and Development Prospects"*, pp. 19–28. Izhevsk. (in Russ.)

Кучин Ю. С. (2020) *«Древнерусская народность» в восточноевропейской историографии. Книга I.* М.: Городец.

— Kuchin Yu. S. (2020) *"Old Russian nationality" in Eastern European historiography. Book I.* Moscow: Gorodets. (in Russ.)

Лихачев Д. С. (1945) *Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI–XVII вв.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

— Likhachev D. S. (1945) *National consciousness of ancient Rus: essays from Russian literature of the 11th–17th centuries.* Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. — in Russ

Мавродин В. В. (1947) К вопросу о складывании великорусской народности и русской нации. *Советская этнография*, 4, с. 84–102.

— Mavrodin V. V. (1947) On the formation of the Great Russian ethnicity and the Russian nation. *Soviet Ethnography*, 4, pp. 84–102. (in Russ.)

Морган Л. Г. (1935) *Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса через варварство к цивилизации.* Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР.

— Morgan L. G. (1935) *Ancient Society, or Research into the Lines of Human Progress from Savagery to Civilization.* Leningrad: Publishing House of the Institute of Northern Peoples of the Central Executive Committee of the USSR. (in Russ.)

Никонов В. А. (1970) Этнонимия. В: *Этнонимы*, с. 5–33. М.: Наука.

— Nikonov V. A. (1970) Ethnonymy. In: *Ethnonyms*, pp. 5–33. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Першиц А. И. (1982) Этнос в раннеклассовых оседло-кочевнических общностях. В: *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*, с. 163–180. М.: Наука.

— Pershits A. I. (1982) Ethnos in early-class sedentary-nomadic communities. In: *Ethnos in Pre-Class and Early-Class Societies*, pp. 163–180. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Смит Э. Д. (2004) *Национализм и модернизм.* М.: Праксис. EDN: QOCQQP.

— Smith E. D. (2004) *Nationalism and Modernism.* Moscow: Praxis. (in Russ.)

Соколовский С. В. (2004) Татары и кряшены в переписи населения 2002 г. В: *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*, вып. 10, с. 1–12. М. EDN: QOFDC.

— Sokolovsky S. V. (2004) Tatars and Kryashens in the 2002 Population Census. In: *Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts*, Issue 10, pp. 1–12. Moscow. (in Russ.)

Сталин И. В. (1954) *Сочинения.* Том 2. М.: Государственное издательство политической литературы.

— Stalin I. V. (1954) *Works*, Vol. 2. Moscow: State Publishing House of Political Literature. (in Russ.)

Сталин И. В. (1997) *Сочинения.* Том 16. М.: Писатель.

— Stalin I. V. (1997) *Works*, Vol. 16. Moscow: Pisatel. (in Russ.)

Стефанович П. С. (2018) Идентичность Руси в «имперско-эсхатологической» перспективе составителя «Начального свода». *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 2, с. 48–64. EDN: OTWXUB.

— Stefanovich P. S. (2018) Identity of Rus in the "imperial-eschatological" perspective of the compiler of the "Initial Compilation". *Ancient Rus: Questions of Medieval Studies*, 2, pp. 48–64. (in Russ.)

Стефанович П. С. (2018) Новые подходы к этничности в медиевистике: взгляд из "древнерусской перспективы". В: *Историческая память и российская идентичность*, с. 467–486. М.

— Stefanovich P. S. (2018) New approaches to ethnicity in medieval studies: view from the "Old Russian perspective". In: *Historical Memory and Russian Identity*, pp. 467–486. Moscow. (in Russ.)

Струве В. В. (1939) Советская этнография и ее перспективы. В: *Советская этнография*, т. II. М.; Л.: Наука.

— Struve V. V. (1939) Soviet ethnography and its prospects. In: *Soviet Ethnography*, Vol. II. Moscow; Leningrad: Nauka. (in Russ.)

Токарев С. А. (1949) К постановке проблем этногенеза. *Советская этнография*, 3, с. 12–36. EDN: VZRTHA.

— Tokarev S. A. (1949) On the formulation of the problems of ethnogenesis. *Soviet Ethnography*, 3, pp. 12–36. (in Russ.)

Толочко А. П. (2001) Воображаемая народность. *Український історичний журнал*, 3, с. 29–34.

— Tolochko A. P. (2001) Imagined nationality. *Ukrainian Historical Journal*, 3, pp. 29–34. (in Russ.)

Хирши К. (2025) *Истоки национализма.* М.: Sprint Book.

— Hirschi C. (2025) *The Origins of Nationalism.* Moscow: Sprint Book. (in Russ.)

Чибисов Б. И. (2018) *Этническая картина Новгородской земли в XV веке (неславянские этнические группы): дис. канд. ист. наук.* М.: Институт российской истории РАН. EDN: XAYNMU.

— Chibisov B. I. (2018) *Ethnic picture of Novgorod Land in the 15th century (non-Slavic ethnic groups): PhD dissertation.* Moscow: Institute of Russian History, RAS. (in Russ.)

Шнирельман В. А. (1982) Проблема доклассового и раннеклассового этноса в зарубежной этнографии. В: *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*, с. 207–235. М.: Наука. EDN: TSTBWP.

— Shnirelman V. A. (1982) The problem of pre-class and early-class ethnos in foreign ethnography. In: *Ethnos in Pre-Class and Early-Class Societies*, pp. 207–235. Moscow: Nauka. (in Russ.)

Шпирт А. М. (2013) Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего Средневековья (опыт историографического обзора). *Альманах по истории Средних веков и Раннего Нового времени*, (3–4), с. 42–52.

— Shpirt A. M. (2013) The Vienna School of Historical Ethnography and the Problem of Ethnogenesis in the Early Middle Ages (A Historiographical Review). *Almanac of the History of the Middle Ages and Early Modern Period*, (3–4), pp. 42–52. (in Russ.)

Энгельс Ф. (1961) Франкский период. В: *Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.* Т. 19, с. 495–518. М.: Политиздат / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

— Engels F. (1961) *The Frankish period.* In *Marx, K., Engels, F. Works. 2nd ed.* Vol. 19, pp. 495–518. Moscow: Politizdat / Institute of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU. (in Russ.)

Afanasyev I., Matheou N. (2017) Revisiting Pre-Modern Ethnicity and Nationhood: Preface. *Medieval Worlds*, 5, pp. 54–56. https://doi.org/10.1553/medievalworlds_no5_2017s54

Armstrong J. A. (1982) *Nations before Nationalism.* Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Eriksen T. H. (2010) *Ethnicity and Nationalism: Anthropological Perspectives.* London; New York: Pluto. https://doi.org/10.2307/j.ctt183h0h1

Gabbert W. (2015) *Ethnicity in history. Ethnicity as a Political Resource: Conceptualizations across Disciplines, Regions, and Periods.* Bielefeld: transcript Verlag, pp. 183–200. https://doi.org/10.14361/9783839430132-014

Geary P. J. (2002) *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe.* Princeton, N. J.: Princeton University Press.

Gottschalk L. R. (1969) *Understanding History: A Primer of Historical Method (2nd ed.).* New York: Knopf. https://doi.org/10.1097/00006199-195306000-00021

Nadel S. F. (1942) *A Black Byzantium: The Kingdom of Nupe in Nigeria.* London.

Phinney J. S., Ong A. D. (2007) Conceptualization and Measurement of Ethnic Identity: Current Status and Future Directions. *Journal of Counseling Psychology*, 54(3), pp. 271–281. https://doi.org/10.1037/0022-0167.54.3.271

Pohl W. (1998) Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies. In: *L. K. Little & B. H. Rosenwein (Eds.), Debating the Middle Ages: Issues and Readings (pp. 15–24).* Blackwell Publishers.

Siapkas J. (2003) *Heterological Ethnicity: Conceptualizing Identities in Ancient Greece.* Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.

Smith A. D. (1986) *Ethnic Origins of Nations.* Oxford: Blackwell.

Smith A. D. (1991) *National Identity.* Reno: University of Nevada Press.

Smith A. D. (2000) *The Nation in History: Historiographical Debates about Ethnicity and Nationalism.* Hanover: University Press of New England.

Об авторе / About the author

Верховцев Дмитрий — выпускник специалитета Института истории СПбГУ, выпускник аспирантуры СПбГУ, независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация. Научные интересы: этничность, история антропологии, советская этнография, неотрадиционализм.

http://orcid.org/0000-0001-9232-2952. E-mail: dverhovtcev@gmail.com

Dmitry V. Verkhovtsev — graduate of the Specialist program at the Institute of History, St. Petersburg State University; PhD program alumnus, St. Petersburg State University; independent researcher, St. Petersburg, Russian Federation. Research interests: ethnicity, history of anthropology, Soviet ethnography, neotraditionalism.

http://orcid.org/0000-0001-9232-2952. E-mail: dverhovtcev@gmail.com